

Шэнь Чан Ань почувствовал себя ещё более неловко. Просто пришёл в гости, называется, – а сколько суматохи поднял, сколько людей оторвал от дел.

– Хого... сейчас будет готово, – негромко произнёс Дао Нянь, и эти слова прозвучали как сигнал. Тотчас же несколько человек бесшумно, словно тени, подкатили к дивану невысокий столик, установили на него большую, искусно сделанную переносную плиту с газовым баллончиком, сверху водрузили вместительную медную кастрюлю, разделённую перегородкой на две половины, и начали ловко расставлять пиалы с соусами и приправами. Прошло всего несколько минут, и скромный журнальный столик превратился в изысканно сервированный деревянный стол, в центре которого, источая дразнящий, пряный аромат, кипел и булькал медный сосуд.

В этот момент Шэнь Чан Ань вдруг отчётливо осознал, что он присутствует не просто на дружеском ужине, а на каком-то священнодействии, на церемонии "как надо есть хого". Разложенные на тарелках вокруг котла продукты – тонко нарезанные ломтики мяса, прозрачные, как стекло, листья пекинской капусты, упругие грибы шиитаке, полупрозрачные нити рисовой лапши – выглядели так аппетитно, так свежо, словно их только что сорвали с грядки или сняли с прилавка прямо у фермера. Их вид вызывал почти первобытный, животный голод, желание схватить и съесть всё это немедленно, даже не дожидаясь, пока сварится.

Бульон в котле забурлил ключом. Шэнь Чан Ань, орудуя палочками и маленьким ситечком, принялся ловко окутать в кипятке тонкие ломтики мяса, вылавливать их ровно через несколько секунд, макать в соус и отправлять в рот. Краем глаза он наблюдал за Дао Нянем, который, в отличие от него, двигался медленно, словно во сне, время от времени не спеша выуживая из котла один-единственный кусочек и так же неспешно, задумчиво пережёвывая его.

– Господин Дао Нянь, – улыбнувшись, спросил Шэнь Чан Ань. – Ты, похоже, не часто балуешь себя хого?

–хлопотно, – коротко бросил Дао Нянь, откладывая палочки в сторону. Губы его, влажные от бульона, стали алыми, почти кровавыми на фоне мертвенно-бледной до прозрачности кожи, а в глазах по-прежнему царил странная, пугающая пустота – взгляд человека, которого ничто в этом мире не может по-настоящему задеть или обрадовать.

– А что ты тогда любишь есть? – спросил Шэнь Чан Ань, зачерпнув ситечком идеально проваренную мраморную говядину, переложил её в маленькую чистую пиалочку и аккуратно подвинул к Дао Няню.

Дао Нянь несколько секунд молча смотрел на аппетитно дымящееся мясо, словно видело его впервые в жизни, а потом так же кратко, словно выдавая государственную тайну, ответил:

– Еду.

Скуп до невозможности. Но при этом удивительно ёмко и, что самое поразительное, в этой

странной, неестественной обстановке такая немногословность вовсе не казалась Шэнь Чан Аню неловкой или обидной. Напротив, в этом было что-то... успокаивающее. Может быть, всё дело в Дао Няне, в его ауре. В нём чувствовалась какая-то глубинная, парадоксальная двойственность: внешне – отстранённый, почти безразличный ко всему человек, но при этом от него исходило ощущение какой-то абсолютной, вселенской, древней, как мир, безопасности, словно рядом с ним ничто не могло угрожать, ничто не имело значения.

Бульон в котле весело бурлил, пуская пузыри. Шэнь Чан Ань, который всегда считал, что есть хого в одиночку – занятие довольно унылое и бессмысленное, сегодня, сам того не заметив, прикончил две тарелки рубца, две тарелки той самой мраморной говядины, одну тарелку утиных кишок, целую корзинку овощного ассорти, а потом, немного подумав, закинул в кипяток ещё и тарелку утиной крови. Подняв голову и встретившись взглядом с Дао Нянем, который, оказывается, всё это время наблюдал за ним с каким-то отстранённым любопытством, он смущённо отдёрнул руку с палочками.

Кажется, он слегка... переборщил с аппетитом.

– Не останавливайся, – голос Дао Няня прозвучал тихо, но в нём явственно слышалось одобрение. Словно он читал мысли гостя. – Раз нравится – продолжай.

Шэнь Чан Ань смущённо улыбнулся, чувствуя, как к щекам приливает краска, но всё же отправил в белую, неострую половину бульона тарелку золотистых грибов эноки.

– Господин Дао Нянь, – спросил он, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. – А твои продукты, они, наверное, откуда-то специально доставляют, самолётами? Потому что они... они невероятно вкусные! Такого я, кажется, никогда не пробовал.

Дао Нянь, даже не меняя позы, лишь чуть скосил глаза и лениво приподнял одно веко, бросив короткий взгляд на Лю Мао, который по-прежнему стоял в углу комнаты, словно статуя.

Лю Мао, мгновенно уловив этот немой сигнал, шагнул вперёд и с готовностью, но без тени подобострастия, пояснил:

– Всё это, господин Шэнь, выращено в нашем собственном хозяйстве. И мясо, и овощи. Если Вам понравилось, мы будем только рады, если Вы возьмёте с собой немного, когда будете уходить, – он улыбнулся открытой, доброжелательной улыбкой. – Это, конечно, не Бог весть какая ценность, своё, деревенское, но зато без всякой химии, без пестицидов. Можно есть спокойно, с чистой совестью.

Шэнь Чан Ань, услышав такое щедрое предложение, замахал руками, отказываясь. Он и так чувствовал себя не в своей тарелке, притащившись в гости к почти незнакомому человеку. Принимать подарки, да ещё и в таком количестве, было бы уже совсем бессовестно.

– Бери, – голос Дао Няня прозвучал тихо, но в нём чувствовалась непривычная для него

твёрдость. – А то пропадёт, если не съест.

Шэнь Чан Ань снова выдал неловкий смешок и, придав лицу максимально невинное выражение, опять сменил тему:

– Господин Дао Нянь, а ты всегда здесь живёшь? В Умине?

– Нет, – Дао Нянь полуприкрыл глаза, всем своим видом показывая, что ни одна тема, по большому счёту, не способна вызвать у него живого интереса.

Шэнь Чан Ань украдкой взглянул на нижнюю часть его тела, скрытую пледом, и подумал:

"Интересно, а болят ли у него ноги в сырую, промозглую погоду?"

Но спросить вслух не решился.

<http://bllate.org/book/16518/1504483>